

Российский суд – самый гуманный суд в мире? Для кого как. Для бывшего сотрудника ФСБ Андрея Васильева, совершившего мошенничество на сумму в 638 миллионов рублей – безусловно. Этот замечательный человек ушёл не только от тюрьмы, но и от сумы. Правда, сперва Хорошевский районный суд Москвы по иску прокуратуры чуть не конфисковал 28 из 90 земельных участков и один из восьми домов, принадлежавших махинатору, однако адвокату ответчика в рекордные сроки удалось убедить вторую инстанцию в том, что такие суровые методы для нашего правосудия недопустимы. Что же касается простых смертных, здесь ситуация несколько иная – и гораздо более загадочная.

Карательная машина

С одной стороны, процент оправдательных приговоров у нас в стране пугающе низок – он составляет всего 0,36%. За минувший 2021 год в России были осуждены 530 965 человек, при этом почти 150 тыс. были приговорены к лишению свободы, примерно столько же (около 148 тыс. человек) получили условные сроки. Число оправданий снизилось до рекордного для последних лет показателя в 1163 человека. Наличие обвинительного уклона признают учёные и судьи, политики и следователи, бизнесмены и эксперты. Так, член Совета по правам человека, федеральный судья в отставке Сергей Пашин назвал российский суд «элементом карательной машины». По его словам, профес-

сиональные судьи оправдывают на порядок меньше подсудимых, чем присяжные, а апелляционные инстанции отменяют оправдательные приговоры в десятки раз чаще, чем обвинительные.

Особый режим

С другой стороны, до суда нужно ещё дойти. И вот тут-то и начинается самое интересное. Уполномоченный по правам человека Татьяна Москалькова на днях представила в Госдуме свой доклад и озвучила довольно неожиданные данные. По её словам, только за год Прокуратура вынесла постановлений об отмене более чем 1,5 млн отказов в возбуждении уголовных дел. «До суда доходит в среднем только одно дело из пяти зарегистрированных преступлений, что позволяет говорить о 80% оправданий», – считают в агентстве правовой информации РАПСИ, среди учреждений которого в прошлом фигурировали Конституционный, Верховный и Высший арбитражный суд.

Что стоит за отказами в возбуждении уголовных дел? Не имеющий аналогов гуманизм? Вряд ли. Нехватка кадров, коррупция, халатность? И да, и нет.

В нашей стране оправдание может быть совершенно следователем, руководителем следственного органа, прокурором и лишь на последнем этапе – судьей. Это отличает российское правосудие от стран, где подобного фильтра не существует, считают в РАПСИ. Так что не стоит сравнивать Россию ни с Нидерландами, где выносятся 10%

оправданий, ни с Великобританией (20%), ни с США, где вообще неясно, как считать: оправдывают 20% из тех, кто не стал сотрудничать со следствием, однако сотрудничают со следствием 97%, и здесь оправданий выносятся примерно столько же, сколько и у нас. Те дела, по которым за границей выносятся оправдательные приговоры, в России просто не доходят до суда и закрываются раньше.

Но прежде чем списывать всё на «особый российский путь», стоит разобраться, чем он обусловлен. Руководитель Института проблем правоприменения Европейского университета Вадим Волков подчёркивает, что прокуроры совершенно не заинтересованы в оправдательных приговорах, поскольку показатели их успешности напрямую связаны с количеством обвинительных. Это вынуждает прокурора, который выступает на суде в качестве государственного обвинителя, договариваться с судьей о выгодном ему решении в обмен на обещание не опротестовывать приговор в вышестоящей инстанции (что, в свою очередь, невыгодно судье). В прокуратуре, как и в МВД, негласно действует так называемая «палочная система», при которой карьерный рост работников зависит от выполнения формальных количественных показателей.

Признаю свою вину – меру, степень, глубину

Еще один аргумент сторонников отсутствия обвинительного уклона – 90% подсудимых сами признают вину и подают хода-

тайство на рассмотрение дела в особом порядке. В этом случае дело рассматривается без исследования доказательств. Хорошо ли это? Согласитесь, высокий процент кающихся грешников наводит на определённые подозрения, что с ними зачастую поступают как в том неведомом анекдоте, где бьют медведя, пока тот не признается, что он заяц.

Конечно, не всё так страшно, и не всегда признание добывается под пытками. Однако 80% подсудимых в России плохо знают свои права и соглашаются подписать признание в обмен на особый порядок рассмотрения дела. Они не верят в возможность оправдания при традиционном порядке и, признавая вину, надеются на смягчение приговора или закрытие дела по нереабилитирующим основаниям. «Это типичный пример вынужденного волеизъявления, обусловленного пониманием ничтожности шансов на оправдание», – подчёркивает советник Федеральной палаты адвокатов России Сергей Насонов.

А судьи кто?

Председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин уже раскритиковал число оправдательных приговоров. По его словам главы СКР, причина роста таких судебных решений в низком качестве работы следователей, неполноте их доказательств и нарушении требований процессуального закона. Но можно ли винить нижестоящие чины?

Качество работы судей, как и

в случае с представителями других профессий, страдает от большой загруженности отчётами и заседаниями. Владимир Путин признал эту проблему ещё в 2016 году, отметив, что низкое качество судебных актов, вызванное высокой нагрузкой, приводит к нарушению прав граждан. Однако нормы судебной нагрузки по-прежнему не разработаны.

Но дело даже не в этом. Формально в России судебная власть независима, а судьи неприкосновенны, несменяемы и, за исключением мировых, занимают посты бессрочно. Однако свободны ли они в принятии решений?

Согласно анализу Института проблем правоприменения, судебный корпус на 28–30% состоит из юристов, единственным опытом работы которых были должности в аппарате суда. Решающую роль в распределении дел между судьями играют председатели судов, образующие «обособленный от рядовых судей аппарат», и судьи всегда советуются с председателем по особо чувствительным делам и выносят решение в соответствии с его рекомендациями. По данным Владимира Волкова, почти треть председателей судов – бывшие работники прокуратуры.

Таким образом, независимые суды фактически встроены в вертикаль правоохранительной системы. Вынося решения, они учитывают корпоративные интересы следователей, прокуроров и чиновников. В общем, рыба, как всегда, тухнет с головы.

Александра Смирнова

Лишение Валерия Фёдоровича Рашкина депутатского мандата вызвало недоумение со стороны значительной части россиян. Многие выражают возмущение произошедшим, ведь вынесенный приговор грубо попирает основы законодательства. Более того, власти сознательно закрыли глаза на отсутствие в действиях Валерия Рашкина уголовно наказуемых деяний, на возмещение с его стороны урона животному миру. Но КПРФ продолжит бороться за освобождение Валерия Рашкина от уголовной ответственности. Все аргументы – у первого заместителя председателя Комитета ГД по государственному строительству и законодательству, бывшего первого заместителя прокурора Московской области **Юрия Синельщикова**.

Юрий Синельщиков: «Освободим Рашкина от уголовной ответственности!»

- Сейчас мы имеем множество письменных обращений, телефонных звонков, смс-сообщений относительно того, что произошло с Валерием Рашкиным. Просят дать пояснения, оценки и рассказать, что будет дальше.

Моя позиция высказана в двух выступлениях, они есть на сайте КПРФ и на сайте «Рассвет-ТВ». Я хотел бы сделать лишь некоторые пояснения. Люди очень часто спрашивают: как же так, состоялся приговор, а вы оспариваете? Как юрист, я не должен такое говорить, но не просто не согласен с приговором, я считаю его незаконным, буду считать его незаконным до тех пор, пока его не отменят, и буду это говорить.

Все вокруг говорят, в том числе депутаты «Единой России», что закон должен быть для всех один, и для Рашкина он должен быть такой же, как для всего народа. Вот и я говорю: закон для Рашкина должен быть таким, как для всего народа. А в соответствии с законом по этой статье, которая относится к категории нетяжких преступлений, Рашкин должен быть освобождён от уголовной ответственности в связи с возмещением им ущерба. К нему должна быть применена мера, которая

называется «судебный штраф». Это не право, это обязанность суда. Но, вопреки закону, к нему эта мера применена не была. Рашкина осудили, и теперь по этому незаконному приговору его лишили полномочий.

Мне говорят некоторые оппоненты: он себя опозорил, был в неприличном виде, говорил неприличные слова, нёс какой-то бред и т.д. и т.п. Коллеги, Валерия Фёдоровича Рашкина можно обвинять во многих грехах, но это всё относится к морали и нравственности, это, в конце концов, относится к партийной и депутатской дисциплине, но никак не относится к уголовно наказуемому деянию. Каким бы он плохим ни был с точки зрения кого-то, он не может быть осуждён, тем более к лишению свободы, хотя и условно, потому что в строгом соответствии с законом он должен был быть освобождён от уголовной ответственности. К Рашкину не применили эту меру, это безобразие, других слов я сказать не могу.

То, что состоялся приговор, что он вступил в законную силу и что в апелляционном суде отказали в удовлетворении жалобы Рашкина, не значит, что на его деле по-

ставлен крест. Конечно же, нет. Есть ещё кассационные инстанции, есть надзорные инстанции, Верховный суд. Есть в конце концов Конституционный суд Российской Федерации, куда и Рашкин, и мы, члены Компартии, будем обращаться. Будем искать способы

сделать так, чтобы закон восторжествовал. Сколько надо, столько это борьба и продлится. Может быть, на это уйдёт два-три месяца, а может, два-три года, но этот приговор будет отменён и Рашкин, конечно же, будет восстановлен в депутатах.

